

Многие дети впервые начинают обожать своих отцов просто потому, что те могут одной рукой выжать мокрое полотенце, затащить на плече газовый баллон или залезть повыше, чтобы починить люстру — вещи, доступные только большим и сильным взрослым мужчинам. Поэтому маленькие «кнопки» невольно впадают в заблуждение: «Вау, мой папа такой могучий и крутой!».

Но сегодня дети Линь Саня не сговариваясь испытали именно это чувство.

Мужчина, который в обычной жизни вел себя как шут гороховый, стоило ему всерьез взяться за мяч, становился настолько крут, что по коже бежали мурашки. Только посмотрите на Линь Кэинь, стоявшую у края площадки: она так сорвала голос от криков, что начала хрипеть.

— Папа, давай! Папа, вперед! Е-е-е, опять попал!!!

Глядя, как мужчина за трехочковой линией небрежно бросает мяч, который раз за разом со свистом залетает в корзину, девчонка готова была взлететь от восторга.

Добрый и послушный Ван Яо не стал исключением. С покрасневшими щеками он застенчиво кричал:

— Батя, давай! Пасуй Цинь Чжи, пасуй Цинь Чжи...

На площадке Линь Сань, споткнувшись, обернулся и глубоко посмотрел на своего старшего сына. В сердце его кольнула внезапная грусть.

К концу матча все были насквозь мокрыми от пота. Парни, игравшие в одной команде с Линь Санем, выглядели уставшими, но довольными. Они не скупились на комплименты, а один даже прямо спросил, не профессиональный ли он игрок.

— Конечно нет, — ответил Линь Сань.

— Я так, любитель.

— Любитель, который умеет забивать сверху, бить издалека, брать подборы и организовывать атаку? — парень вздохнул.

— Тогда ты чертовски крутой любитель!

Услышав это, Линь Сань бесстыдно расхохотался, думая про себя: «А как иначе, ведь я вложил все свои драгоценные очки „золотого пальца“ в навык [Фитнес]». Это дало ему почти аномальную физическую мощь.

Конечно, Линь Сань пошел на такие «радикальные» меры не ради баскетбола, а чтобы защититься от возможного похищения тем ненормальным мужиком. Теперь Линь Сань был уверен, что сможет голыми руками разорвать любую металлическую цепь, так что приковать его к кровати для «злодеяний» в следующий раз точно не получится. После такой бодрой тренировки у всех было отличное настроение, и Линь Сань повез детей в ресторан.

На улице было холодно, так что выбор пал на хого. Заказали кастрюлю «инь-ян» (острая и неострая половинки), набрали кучу мяса и овощей и весело принялись за еду. Линь Сань палочками положил второму сыну кусочек баранины, сварил его и сам переложил в его тарелку. Го Синчэнь поджал губы, но в итоге мясо всё же съел.

После обеда Линь Сань отвез Го Синчэня домой. Подъезжать близко он не решился, высадив его на перекрестке через дорогу. Этот «вредный ребенок» оказался довольно вежливым: он попрощался с братом и сестрой, но на Линь Саня даже не взглянул — просто ушел.

— Упрямый малый, — прокомментировал Линь Сань. Линь Кэинь фыркнула, думая про себя: «Да он просто тебя терпеть не может!».

Забрав остальных, Линь Сань не поехал домой, а дал по газам — они отправились закупаться к Новому году.

Дни шли своим чередом. Линь Сань управлял магазином и заботился о детях. Вскоре наступил его второй Праздник весны в этом мире. Всё прошло традиционно: те же люди, шумный новогодний ужин. На третий день года Линь Сань повел всех на открытый каток. Го Синчэнь не пришел — уехал поздравлять бабушку, зато Линь Сань вытащил доктора Чжу и её сына Чжоучжоу.

— Давно не виделись! — Линь Сань ослепительно (как ему казалось) улыбнулся. Доктор Чжу кивнула:

— Давно. Глядя на твой бодрый вид, полагаю, ты полностью поправился.

— Конечно! Крепче некуда, весь стальной, — Линь Сань протянул свои «загребущие лапы» и силой подхватил Чжоучжоу, отрывая его от матери.

— Малыш, почему не здороваешься с крестным?

«Ты мне не крестный». Чжоучжоу сердито засопел и выплюнул:

— Обманщик!

Линь Сань опешил. Доктор Чжу рассмеялась:

— Когда он узнал, что мы расстались, он долго расстраивался!

«Серьезно?» Линь Сань с удивлением посмотрел на карапуза в своих руках. Личико того мгновенно стало пунцовым, он задержал руками и ногами:

— Неправда! Он мне вообще не нравится!

Линь Сань захохотал и закинул ребенка себе на плечо:

— Погнали, крестный тебя прокатит пару кругов!

Лед был огромным, людей — тьма. Ван Яо, легкий и не склонный к борьбе на баскетбольной площадке, на коньках чувствовал себя как рыба в воде. Он взял за руку неуклюжего Цинь Чжи, и они вдвоем заскользили по льду, поддерживая друг друга — милая и трогательная сцена. Линь Кэинь в присмотре не нуждалась: со своим талантом заводить знакомства она уже нашла компанию ровесниц и весело играла с ними.

Благодаря своей физической подготовке Линь Сань лихо нарезал круги вместе с Чжоучжоу. Но в его натуре всегда жила жажда выпендрежа. В баскетболе он возомнил себя Рукавой, а на льду — Юдзуру Ханю. И вот этот «гений» на полном ходу решил исполнить тройной прыжок.

Результат был предсказуем: «ШМЯК!» — и он растянулся на льду во все стороны.

Хмурый до этого Чжоучжоу, увидев этот позор, забыл все обиды — его лицо расплылось в улыбке, как колокольчик. Малыш был просто счастлив.

— Ах ты, паршивец... — прокряхтел Линь Сань.

— Помоги отцу встать!

Прокатавшись всё утро, Линь Сань перед самым уходом неожиданно встретил знакомого. Это был учитель рисования Ван Яо. Линь Сань помнил, что его зовут Бай Хуэй.

— Какая встреча, учитель Бай! Тоже привели ребенка покататься? — Линь Сань радушно начал разговор. Тот явно помнил отца своего любимого ученика и вежливо ответил.

Бай Хуэй был молодым и очень красивым мужчиной. Линь Сань всегда думал, что он холост, а оказалось — женат, да еще и с ребенком. Мальчик на вид был ровесником Чжоучжоу: белокожий, кругленький, похожий на кунжутный шарик — так и подмывало ущипнуть за щечку.

Пока они обменивались вежливостями, «кунжутный шарик» дернул Бай Хуэя за брюки и закричал, указывая вдаль:

— Мама, папа вернулся!

Линь Сань: «...» Э-э? «Мама»?

Прежде чем он успел это осмыслить, подошел мужчина с горячими напитками. На вид ему было лет тридцать пять, одет со вкусом, очень интеллигентный. Из тех, про кого говорят: «культурный подонок» или «зверь в костюме».

— Хуэй, кто это? — «Интеллигент» с улыбкой посмотрел на Линь Саня.

«Сам весь из себя бандюган, а рожа красивая до смерти — сразу видно, не к добру!!!» — пронеслось в голове Линь Саня.

В глазах учителя Бая мелькнула обреченность, и он сказал:

— Это родитель моего ученика, господин Линь. Позволь представить, это мой супруг — Чжоу Пэйжань.

Линь Сань:

— А? О! Ха-ха... ха-ха... Господин Чжоу, значит. Рад знакомству, рад.

Чжоу Пэйжань улыбнулся и пожал руку:

— Где трудитесь, господин Линь?

— Магазин держу, мелкий бизнес. А вы?

— Я занимаюсь научными исследованиями.

«Так и знал, типичный вид лощеного сноба», — подумал Линь Сань.

Они не стали задерживаться, и вскоре Бай Хуэй с мужем и ребенком ушли. Линь Сань долго не мог прийти в себя, глядя им в след. В его представлении (даже из будущего XXI века) гомосексуальность всегда была чем-то скрытым, подпольным, о чем бояться рассказать. Но здесь, в параллельных 90-х, люди живут душа в душу открыто и официально. Это вызвало у Линь Саня очень смешанные чувства.

— Чего застыл? — кто-то хлопнул его по плечу. Это была доктор Чжу.

— Где дети?

— В холле, переобуваются, — ответила она.

— На что ты так смотрел?

Линь Сань не удержался и пересказал увиденное.

— Представляешь, два мужика и ребенок. И ребенок зовет одного из них «мамой».

Доктор Чжу выслушала и спокойно ответила:

— В этом нет ничего странного. Твой учитель Бай, скорее всего, Омега...

Омега? (Омега/Часы?)

— А тот господин Чжоу может быть Бетой, но с большей вероятностью он...

— Картье? — ляпнул Линь Сань.

Доктор Чжу:

— Что?

— Ну, эти бренды всегда рядом. В торговых центрах их прилавки стоят вплотную. — (А вот Longines уже не дотягивает, уровнем ниже будет).

Увидев недоуменный взгляд доктора Чжу, Линь Сань помотал головой. Мозги у него поплыли, и он сам не понимал, что за чушь несет. Впрочем, размышлять времени не осталось — к ним с веселыми криками выбежали дети.

<http://bllate.org/book/16514/1502541>